

23 ОКТ 1980

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. Москва

ВАША КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС

Все-таки, казалось, в кино самое важное — понравился ли фильм. Он может быть новым или пускай старым, ярким или внешне будничным, глубоким или хотя бы броским. Но уж плохим он быть не должен, так?

Но Михаил Пляцковский с первой же строфы стихотворения «В кинотеатре повторного фильма» не оставляет нам никаких надежд.

Шел на экраны фильм немой —

Такой нелепый и старинный...

«Нелепый» еще может значить «наивный», «милый по-своему». «Старинный» — это как раз стиль ретро, даже модно. До третьей строчки надеяться кое-как можно. Читатель все равно не верит в критический запал — автор не сатирик, он добр не только «в конце концов», но и просто, в каждой строчке, да и на что нападать, на немой фильм?

...Такой скучный,

нафталиновый.

Что впору бы сбежать домой.

Нет, уж тут все ясно. Любовный пошленький роман.

По счастью, не тревожил слуха, —

словом, хорошо еще, что немой. Но вот тут-то и вступает в действие механизм выбора предмета, действие стихосложения.

И лишь в седьмом ряду старуха

Глядела жадно на экран.

Мы, в свою очередь, уже смотрим не туда, а на нее.

Мы сейчас узнаем, что это она — та самая, «что флиртвала сейчас на белом полотне». Уже не остатки былой красоты, а останки... И вот к

силе ремесла — какое уж тут искусство — окружающие испытывают зависть. Правда, не просто ведь пожелали старуху и не стали омрачать ей свидание с юностью, а вот, позавидовали... Михаил Пляцковский в своей книге стихов «Утренний вальс» добивается успехов тогда, когда идет дальше привычного и достигнутого. Вспоминается здесь «Старая актриса» Заболоцкого — но ведь та хоть когда-то была «какая актриса!» и владела умами, — а здесь этого, видимо, никогда не было. А сила уже не искусства, а ремесла все-таки доносит до нас какую-то память о человечности. Грустные стихи? Конечно. Но, главное, серьез-

ные, заставившие задуматься.

Это происходит не каждый раз, но так ведь и не бывает, чтоб каждый, и неизвестно, кто еще виноват, что встреча не состоялась, возможно, и читатель.

А все-таки все стихи пронизаны двумя сливающимися стихиями. Первая — доброта, о которой мы уже говорили. А теперь о второй.

Давайте подбирать эпитеты к слову лес. Ну, например, добрый. Только его надо употребить не один раз, а три подряд. «Добрый, добрый, добрый лес». Или — звонкий. Или — рыжий.

«Рыжий, рыжий, рыжий лес». Тогда в последний раз это, может быть, уже вообще не

эпитет. А глагол-обращение, например: «Знаешь, знаешь, знаешь, лес...».

Вы скажете, что так не говорят. Но стихи — не копия бытовой речи. Стихи — слова странные и свежие, поставленные невпопад, и убеждающие. Однако ведь и этого нельзя сказать о «знаешь, знаешь, знаешь».

Потому, что стихия стиха уступила тут место другой, едва ли не более древней. Вы, конечно, догадались, какой, — песенной.

Стихи Михаила Пляцковского могут стать текстом песни. И не раз становились. Могут в принципе и не стать. Однако песенная стихия в них жива и, пожалуй, все равно господствует.

В гости к юности вновь

угодил.

Я ушел ведь когда-то

отсюда,

А как будто бы не уходил.

«В гости к юности» в сти-

Так же доски на мостике

шатки;

Те же бабки сидят у ворот.

И опять с танцевальной площадки

Вальс «Амурские волны»

плывет.

Здесь мы видим приметы, детали, подробности внешнего мира. Отсюда как бы две дороги — в стихи и в песню.

На первой еще какая-то последняя, неожиданная деталь встанет поперек нашей памяти, затормозит ее, заставит вернуться. На второй — слова нужны не поперечные, а «продольные», чтобы чувство сказалося в их единстве, течении, ритме. Дорога песни

ведет к слиянию слов, а не к их столкновению. И поэт выбирает вторую дорогу:

Не случилось особого

чуда —

В гости к юности вновь

угодил.

Я ушел ведь когда-то

отсюда,

А как будто бы не уходил.

«В гости к юности» в сти-

хах нас бы не остановило. Но вот спеть это, произнести, задержавшись на меланхолическом «ю», — хочется.

Так получается особый, небанальный эффект от этих стихов. Их предмет — доброта, ласковость, иногда расстроганность. А их форма — слова, сливающиеся друг с другом, не резкие, плавность здесь важнее острой выразительности. Таким образом, сама интонация тоже становится ласковой и доброй. Но ведь это — искомое единство формы и содержания, не так ли?

Не знаю, может быть, поэтому читать эту книгу хочется. Ты как бы чувствуешь себя совсем тихим, но композитором, подбирающим незаметно какие-то свои простенькие мелодии к картинкам жизни городской, сельской, северной — всем, которые собрал здесь поэт.

А. АНДРЮШИН.